

Валерий Рыженко

Мираж

Валерий Рыженко

Мираж

«Издательские решения»

Рыженко В.

Мираж / В. Рыженко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-565645-2

В данной книге речь идёт о жизни и судьбе посёлков, в которых протекает жизнь. Мира потому, что с возвышенности (бугров) посёлки кажутся прекрасными рощами.

ISBN 978-5-00-565645-2

© Рыженко В.
© Издательские решения

Мираж

Валерий Рыженко

© Валерий Рыженко, 2022

ISBN 978-5-0056-5645-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мираж
(Правленный)

Сколько народных песен родилось в душе русского человека, но ни одна из них так не отражает широту и простор земли нашей, лихость и удаль, тоску и грусть, горечь и надежду, любовь и безрадостность русской души, как песня о степи. «Ой, ты, степь широкая. Степь раздольная. Широко ты, матушка, пораскинулась». И не важно, совсем, не важно поёт ли её один человек под гусли, гармошку или многоголосый хор, что при исполнении кто-то в песенных строках «речного бурлака» заменит на «донского казака», а «Волгу-матушку» на что-то другое. Важно то, что этот русский шедевр всегда исполняется как сокровенная молитва, в которой иной раз, слушая её, представляется вольный донской казак, а порой прорывается протяженный стон речного бурлака. Невозможно быть русским человеком, невозможно осознать себя человеком, не зная, созданные русским народом, великие слова песни.

Но.

Может быть, вам придется когда-нибудь ехать по большой степной дороге, которую называют шляхом, проложенную еще нашими предками, ходившими по ней с подводами, арбами... Шлях – самая таинственная дорога, не похожая ни на одну дорогу в мире. Это слышал я от деда, жившего с монахами на горе Афон и ходившего в Иерусалим. Он рассказывал мне о разбойниках, гулявших по шляху в надежде на счастье; странниках, богомольцах... Сейчас я думаю, что тот мир, о котором мне рассказывал дед и который я застал уже умирающим, был тоже обычным, как и вся история наша. И только воображение тех, кого мы называем великими, хотя их владычество уносит тысячи и миллионы жизней, и невежество играющих в великих, выдают нашу историю как необычную.

Так, если вам придется ехать по шляху, и вы человек наблюдательный, вам всегда бросится в глаза перекресток с дорожной остановкой: каменной будочкой, возле которой растёт одинокое дерево и стоит указатель, на котором написано полуистертое название поселка. Может вас заинтересует название поселка. Странные иногда бывают названия... «Пришиб». И вы попытаетесь отгадать, кто дал такое название: Кто его основатель? Кто живет в нем?... Но чаще всего другие мысли отвлекут вас, и вы, поудобней устроившись на сиденье, подумаете: «Пришиб». Ну и ну!» и улыбнетесь.

Случается, что о существовании таких поселков не напоминают даже указатели.

А вдруг вам захочется увидеть такой поселок. Сойдите на перекрестке. И если вы молоды и сильны, и стоит лето не ждите попутку, а идите пешком. Идите прямо через степь. Зачем вам дорога, если вы молоды. Вы увидите посадки, могильные курганы, балки, суходолы, овраги... Зайдите в посадку. Вас встретит чистый и свежий воздух, тишина и прохлада. Вы почувствуете, как свободно дышится и слегка кружится голова. Высокие абрикосовые деревья и крепкие дикие груши защитят вас от шума большой дороги, жары и ослепительного степного солнца, словно высеченного в густой синеве неба. Между кустами с волчьими ягодами, терном бегут

узкие дорожки, протоптанные охотниками за грушами, абрикосами, грибами... Дорожки проведут вас к небольшой поляне с густой рослой и упругой травой, которую вы уже никогда не встретите в степи, иссушенную солнцем и отданную человеку. На поляне вы увидите шалаш, срубленный из веток лиственницы сторожем-огородником, а в шалаше – спящего сторожа, крепко набравшегося с утра всякой всячины, до которой так охоч человек русский. Земля в посадке покрыта толстым слоем старых листьев. Наберите охапку листьев и присядьте на них, прислонившись спиной к дикой груше. Вы услышите легкий шорох. Это трудится под слоем листьев еж, падают поспевшие абрикосы, груши... Увидите галочки гнезда, сверкающую паутину, как бьются солнечные лучи о листья и плывут облака. Если вы человек впечатлительный, не смотрите долго на облака. Вам захочется уйти за ними. Лучше послушайте, как звенит степная тишина, и слегка поскрипывают галочки гнезда. Уходя, свистните. Ваш пронзительный свист вспугнет галок. И вы улыбнетесь, и вспомните детство.

Попадутся вам по пути и могильные курганы, поросшие жесткой травой и оставленные нам в те времена, которые слышали свист стрел и дикое гиканье... Много еще таких курганов, и не скоро уйдут они с памяти нашей. На не крутых склонах кургана – неглубокие рвы, похожие на морщины. Это следы веселой весенней воды. С каждым годом становится их все больше. И кажется, что курган, как и человек, стареет и так же, как и человек, умирает, оставляя после себя только лишь воспоминания старожил, когда-то ходивших к курганам искать счастье. У подножья кургана растет густой жилистый репейник, как бы преграждая путь любителю взобраться на курган. Часто скапливается бездомное перекасти-поле, вечно гуляющее по степи, словно человеку в надежде, на счастье. А вы возьмите палку и, как в детстве, размахивая палкой, словно саблей, прорубите среди репейников дорожку и взойдите на верхушку кургана. Вы увидите все тот же степной мир: овраги, суходолы, посадки... Ваш взгляд отыщет вдаль и стога сена, буровую вышку, церковь и одинокую могилку, приютившую, может быть, какого-нибудь странника, на которых так щедро была земля наша. Но забудете вы и посадки, и церковь, и кто знает, что почувствуете, о чем задумаетесь, увидев залитый ярким светом жаркого степного солнца бескрайний ослепительный простор. Застынете ли, охваченные тревогой своего одиночества, и попытаетесь предугадать судьбу свою в этом таинственном мире, обратитесь ли к давно умершему в вашем сердце образу, к которому обращались наши деды и прадеды, или от восторга, что вы один на воле, приложите руки ко рту и закричите. Прокатится ваше слово по степи и рассыплется. Никто не откликнется. Только вырвется из травы испуганная птица и исчезнет. А может, станет вам грустно, как бывает грустно человеку, вдруг задумавшемуся почему-то о своей жизни. Но не стойте долго на кургане. Они не раз обманывали искателей счастья.

Встретится вам по дороге и глубокая степная балка, скрывавшая когда-то лихих людей, об удали которых любят рассказывать древние старики, может быть и сами искавшие, но так и не нашедшие удачу на степных дорогах. Склоны балки – крутые, покрытые колючей малиной. Спускаться по таким склонам чрезвычайно трудно. Из-под земли торчат острые серые камни, а склоны часто уходят в обрыв. Не ищите обход, спускайтесь по самой крутизне, и ваш труд будет вознагражден. Вы почувствуете, как пробудится ваше сердце, когда вы зависните над обрывом, а оглянувшись на пройденный крутой путь, – давно забытую мальчишескую гордость. Идите в глубь балки. Ее дно усеяно камнями, которые неустанная вода вымывает из склонов. Среди камней вы увидите, как пробивается к солнцу молодая поросль тополей, акаций... и не позавидуете ли вы ее желанию жить, не упрекнете ли себя? или станете оправдывать себя? Идите дальше. И перед вами раскроется мир, от которого отвернулся современный человек: густые кусты шиповника, дикие розы, сгорбленные от старости лиственницы, дикие яблони, которые поселковые мальчишки называют «кислицами», засохшие ландыши... а там, куда не достает солнечный свет, вы услышите негромкое журчание. Это говор родника, который бережливая природа, словно зная безжалостную руку человека, спрятала в самую гущу

диких зарослей. Чистая и холодная вода утолит вашу жажду, придаст свежесть и впечатлительность вашим мыслям и чувствам, и вы, откинувшись на спину и подложив руки под голову, отыщете среди густых крон деревьев светлое окошко и снова увидите, как плывут облака, падают листья, колышутся от легкого ветра верхушки деревьев, вольно кружит в бездонном небе птица. И может быть, снова позавидуете птице, ветру, гуляющему по степи, и снова задумаетесь о своей жизни, мечтах... древних истинах человечества и его вековых иллюзиях о счастье. Отдохните, а потом ищите тропинку, которая выведет вас из балки на высокий бугор.

Вашему взгляду откроется большая зеленая роща из густых садов, тополей, акаций, лип... , похожая на первозданный уголок, бог знает, каким чудом сохранившаяся в иссушенной степи... Увидите вы рощу в окружении высоких бугров. Они напоминают гигантских великанов, которые словно собрались, чтобы подумать о своей судьбе и судьбе первозданности, исчезающую с лица земли нашей, как исчезает все, что подвластно времени. Ваш взгляд долго будет блуждать по садам, пока с трудом отыщет среди верхушек деревьев крышу самого высокого дома. Вы представите просторную крепкую усадьбу, созданную нелегким трудом. Так создается все, что имеет свои традиции. Представится вам и двор с палисадником и обязательно просторный. Любит русский характер развернуться во всю ширь на свадьбах, проводах, крестинах, толоках... Подумаете вы и о доме со светлыми окнами, убранными в старинные резные ставни, о просторных чистых комнатах со старинными кружевными занавесками на окнах и вышитыми полотенцами. Не забудете и трудолюбивых хозяев. Молодого, веселого хозяина, знающего толк в мастеровом деле, и такую же молодую хозяйку, прозванную за бойкий нрав «молодицей», стариков-родителей и гурьбу внуков. Воображение уведет ваши мысли и чувства под развесистую яблоню, под которой ждут гостя-соседа, хорошего товарища, скупого на слово, но щедрого на дело, за деревянным столом с нехитрыми поселковыми дарами: грушами, яблоками, сливами, медом и тем особенно крепким напитком, веселившим наших дедов и прадедов. И скажите, что не ушла еще гостеприимная старина, которая прославилась человека русского далеко за пределами земли нашей. По стройным рядам тополей, разбегающимися во все стороны поселка, вы догадаетесь об улицах, и вам захочется пройтись по широкой чистой дороге между домами, отдохнуть в прохладе тополей и посмотреть на бойких, крепко загорелых поселковых мальчишек, гоняющих босиком мяч или играющих в цурки. Между ивами с зелеными пышными шапками, которые как бы кланяются земле, сверкнет полоска воды, и вы вспомните речку с прозрачной и свежей, как в роднике, водой, крутыми, высокими берегами, поросшими сочной зеленой осокой, камышом и лугом. Кружащая на одном месте стая галок и голубей наведет вас на мысль о церкви, и вы задумаетесь.

Впрочем, спускайтесь с бугра.

Может быть, вы подумаете, что встретите шумную веселую кампанию молодых парней и девушек в расшитых костюмах, с гармонистом, идущих в балку отдыхать. Никто не встретится вам. Только у подножья бугра вы увидите большой двухэтажный деревянный дом, рассыпающийся от старости. Это дом бывшего помещика, от которого и пошло, наверное, название поселка. Загляните в дом и побродите по его пустым комнатам. Вам придется по пояс шагать в бурьяне, пока вы доберетесь до разрушенного крыльца. Старые ступеньки скрипнут, словно от боли, когда вы будете подниматься по ним. Шарахнет в пустое окно одинокая приبلудная птица, потревоженная шумом ваших шагов, да стукнет от ветра покосившаяся ставня. Вот и все поселенцы дома, в котором когда-то звучали человеческие голоса, жили беды и радости, словом, все то, что вы встретите в любом доме, звенел детский смех. Вспомните ли вы о нем? Или по привычке, махнув рукой, промолвите «А... помещики...» и выйдете, не задумавшись об их судьбе. Или, вспомнив одинокую могилку в степи, вы вдруг почувствуете грусть по всем ушедшим. Недалеко от дома вы увидите небольшое стадо коров, жадно выщипывающих жесткую траву с иссушенного луга, бывшего когда-то местом кулачных боев, задорных частушек, кормильцем... , и пастуха-старика, сидящего под одинокой акацией. Если вы окликнете его,

он посмотрит в вашу сторону, приложив дрожащую руку козырьком к морщинистому лбу, а не окликнете, он так и будет сидеть, согнувшись, с опущенной головой и думать о том, о чем думают все старики. Сравните картины великих мастеров о пастухах и пастушках с увиденным. Все сравните. Не мелькнет ли у вас мысль, как всегда далеки были великие от жизни. Присядьте со стариком и расспросите его о поселке. Он долго будет молчать, постукивать палкой о землю. И вам покажется, что он немой. Он не немой. Он отвык от слов большой жизни, из которой вы пришли. Вы почувствуете тяжесть на сердце от его длинного тоскующего взгляда, словно заблудившегося в жизни, высушенного горечью голоса, рассказа о поселке и часто повторяемых слов «жизнь... жизнь...». Случится, что вы примете его за одного из тех вечных стариков, которых называют «юродивыми», «пришибленными», и которых всегда рождала великая Русь, словно в насмешку своему величию, и не поверите его рассказу. Пройдитесь тогда по улицам поселка.

Все та же тропинка проведет вас по шаткому деревянному зияющему дырами мостку, перекинутому через речку, бывшую когда-то в силе, судя по крутым, высоким берегам и могучим вербам, все еще цепляющимся иссохшими корнями за иссохшие берега. За речкой встретится вам колхозная контора – низкорослое покосившееся здание, похожее на сторожевую будку и выкрашенное в густой коричневый цвет, с флагом на фронтоне, украшенном еще вдобавок плакатом с диким краснолицым и улыбающимся молодцом, на которых крепко набили руку иные подручные от искусства. Возле конторы возвышается гора деревянных ящиков, стоят барак, просвечивающийся словно решето, с дустом и другой всячиной, ферма с раскрытой крышей. Вы не услышите веселой песни, шутки, а увидите спутанное травой поле, да две-три фигуры, пропальвающие грядки. Что подумаете вы, глядя на умирающее хозяйство, может быть некогда славившееся на всю округу садами, прудами с рыбой, бахчами, конным хозяйством, трудолюбием рук, задорным словом... Тропинка выведет вас на окраину поселка, к оврагу, куда свозят мусор с поселка, небольшой поляне, по которой бродит привязанный телок. Если вы родились в поселке, то вам вспомнятся зимние овраги, забитые чистым снегом, в которых поселковые мальчишки строили крепости из снега, играли в снежки, катались на санках, а, вернувшись домой, засыпали крепким детским сном, вспоминая задиристых товарищей. Идите дальше. Вместо просторных чистых улиц с бойкими поселковыми пацанами, которых вы надеялись увидеть, стоя на высоком бугру, вы увидите узкие пыльные улочки. Они поразят вас своим безмолвием и отсутствием живого слова. Вы окажетесь в окружении домов с дряхлеющим обветшалым видом запустения, который приобретают они, когда из них навеки уходят хозяева. Вам станет грустно от задыхающихся в жаре и пыли тополей, акаций, дощатых падающих заборов, зарастающих бурьяном, которым так щедра земля наша, вымирающей сирени в палисаднике. С недоумением посмотрите вы вокруг и с надеждой увидеть то, что представлялось вам на бугре. Но сколько бы вы не смотрели, вы увидите только тот мир, который природа возвращает себе, когда его отталкивает рука человека. И может быть, воскликнете вы: «Полно. Да так ли это?» И ответите: «Так». И поймете, что нет ничего обманчивей на свете нашего воображения.

Вдоль улиц стоят лавочки, прикрытые целлофаном, чтобы не отсырели доски. А на лавочках сидят старики, прижавшись к забору. Сидят они, согнув спину и опустив как бы в поклоне голову земле. Изредка они поднимают голову и устремляют взгляд вдаль, словно отыскивая ту дорогу, по которой им скоро придется уходить. Вы их встретите на каждой улице. Куда бы вы ни пошли... Одеты они в фуфайки, телогрейки, поношенные шинели, валенки, бурки... во все то, что осталось на старость. Вы увидите их морщинистые лица, будто иссеченные рубцами, такие же морщинистые руки, некогда знавшие силу, и глаза, похожие на замерзшие ледяные проруби. Глядя на них, вы подумаете, что когда-то, и они были молоды, веселы, гуляли на свадьбах, крестинах, толоках... Работали, отдавая силу и молодость взамен иллюзий, приобретаемая несуществующие блага и такой же несуществующий мир, который они передавали своим

сыновьям. Вы встретите среди них плотников, столяров... всех тех, кого владыки называют народом, создавая их плотью империи и державы и защищаясь их же плотью от других владык, тех, кто строил великолепные замки, хоромы, но никогда не жил в них, выращивал хлеб, добывал соль, но не распорядился плодами труда своего. Они долго будут смотреть на вас уставшими глазами, из которых уже уходит жизнь, и словно спрашивать, а не видели ли вы их сыновей в городе? Знают ли они, как тяжело им здесь? Некому смотреть за хозяйством, валяться дома, и никто их не поправляет, и они скоро умрут. Если вы пройдете по улицам вечером, вы увидите, что они все также будут сидеть на лавочках и не заходить в дом, так как давно отвыкли уже от своих домов и привыкли к лавочкам под акациями, тополями, сидя на которых они ожидают письма, телеграммы... и, не дождавшись, умирают. Сядьте возле них и поговорите. Только не переубеждайте их. Не разрушайте их мысли и чувства. Вы услышите их тихий немногословный мир, от которого так далеко ушла большая жизнь, дерзко вторгающаяся в тихие уголки наши, какими длинными, окольными путями вела их жизнь к старости. Вы поймете, что они уже ничему не верят и не поверят, что давным-давно забыли они о прекрасных легендах, о счастливой человеческой жизни, смирились с тем, с чем вы еще не можете смириться, и что умрут они, так и не поняв, кто и зачем привел их в этот мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.